

НОВОЕ О СТАРОМ

Бернард Шоу:

ТЕАТР РОЖДАЕТ СТРАСТИ
И БУДИТ ВООБРАЖЕНИЕ

В лондонском издательстве Макса Рейнхарда вышел второй том избранных писем Бернарда Шоу (первый том был издан в Англии семь лет назад). Профессор Дэн Лоренс, составитель и редактор эпистолярного наследия великого ирландца, готовит к печати еще два тома. Переписка писателя была столь обширна, что полное издание насчитывало бы десяток книг.

Английские литературные критики называют нынешнее издание «подлинной сокровищницей»: в него вошли письма Шоу, датированные 1898 — 1910 годами. Это была пора жизненного и творческого расцвета драматурга: он женился на Шарлотте Фрэнсис, урожденной Пейн-Таунсенд, с которой прожил долгую и счастливую жизнь; написал свои лучшие пьесы, завоевав всемирную славу. Письма отражают и увлечение социалистическими идеями, и разочарование в фабианстве. Газета «Таймс» в рецензии на второй том писем Бернарда Шоу отмечает слабость его фабианских воззрений. Но сочувствующие читатели хорошо знают, что Шоу, философ, социолог и публицист, пересмотрел свои наивные упования на мирное излечение капиталистического общества. Великая Октябрьская социалистическая революция оказала огромное влияние на его мировоззрение и творческий путь. Шоу верил в первую страну социализма, в ее победу...

Письма Шоу — самостоятельный жанр его творчества. В них предстает образ неутомимого искателя, литературного и театрального деятеля, блестящего полемиста и остроумнейшего человека.

Лондонский еженедельник «Обсервер» опубликовал ряд писем Бернарда Шоу, вошедших во второй том его избранного эпистолярного наследия. Сегодня мы предлагаем вниманию наших читателей выдержки из этих писем.

ОБ ИСКУССТВЕ
ПЕРЕВОДА

1902 г.

Вы похожи на мою жену, которая полагает, что вызывать у людей смех — недостойное и вульгарное занятие; но смех — мой меч, мой щит и копье.

Вам придется теперь решиться пройти курс утомительного и скучного ученичества при работе над моими пьесами. Вы эмоциональный и утонченный молодой поэт, я же — мрачный и разочарованный старый шарлатан. Но я создал свои пьесы по крупице из атомов пыли, отредактировал их для печати и прорепетировал для сцены; в результате я с первого взгляда вижу те небольшие погрешности, которые кажутся вам мелочами.

Зигфрид Требитч: я хочу сказать вам, что именно мелочи важны для человека гениального. Сила инстинкта влечет вас на вершину горы; лавина, пугающая более слабых, не страшна вам. Но когда вы благополучно и торжествуя возвращаетесь в свой отель, то, споткнувшись о вешалку, ломаете нос...

(Из письма Зигфриду ТРЕБИТЧУ, австрийскому романисту, драматургу и поэту, переводчику нескольких пьес Шоу на немецкий язык)

О ЗНАЧЕНИИ ТЕАТРА

1902 г.

Вы похожи на мою жену, которая полагает, что вызывать у людей смех — недостойное и вульгарное занятие; но смех — мой меч, мой щит и копье.

Вам придется теперь решиться пройти курс утомительного и скучного ученичества при работе над моими пьесами. Вы эмоциональный и утонченный молодой поэт, я же — мрачный и разочарованный старый шарлатан. Но я создал свои пьесы по крупице из атомов пыли, отредактировал их для печати и прорепетировал для сцены; в результате я с первого взгляда вижу те небольшие погрешности, которые кажутся вам мелочами.

Зигфрид Требитч: я хочу сказать вам, что именно мелочи важны для человека гениального. Сила инстинкта влечет вас на вершину горы; лавина, пугающая более слабых, не страшна вам. Но когда вы благополучно и торжествуя возвращаетесь в свой отель, то, споткнувшись о вешалку, ломаете нос...

(Из письма Зигфриду ТРЕБИТЧУ, австрийскому романисту, драматургу и поэту, переводчику нескольких пьес Шоу на немецкий язык)

О ЗНАЧЕНИИ ТЕАТРА

1904 г.

Ваш вопрос: «Может ли театр стать силой в борьбе за справедливость?» — так же бесцелен, как если бы вы спросили то же самое о религии или силе притяжения, правительстве или музыке. В Англии есть театры, где развлечение на сцене лишь способ привлечь публику в питейные заведения, которые и являются источником дохода для директора. Повсюду есть театры, торгующие всего-навсего «возбуждающими средствами» в драматической форме. Но есть и театры, способные серьезно показывать жизнь и достижения литературы...

Театр — это могучая машина, которая будит страсти и воображение человечества и, как все подобные машины, способна украшать досуг и насаждать низкий разврат. Такова же и церковь. Церковь может творить великие дела теми же средствами, что и театр (тут нет никаких различий и по существу и даже мало внешних различий), но каждая церковь находится в состоянии ужасающей денежной зависимости от фарисеев, которые используют ее, чтобы оправдать самые грязные коммерческие махинации... она продаст платю тем же фарисеям под видом благотворительности... и иногда под прикритием слов, что «бог — это любовь», совершает такое псевдорелигиозное таинство, по сравнению с которым атмосфера театра кажется

Рисунок из английского еженедельника «Обсервер»

ся прозаически холодной...

Мораль сего такова: и за церквями, и за театрами надо внимательно следить, с тем чтобы они не использовали свою власть для наживы.

(У. СТЕДУ, одному из корреспондентов Шоу)

О РЕШЕНИИ ПЕРЕСТАТЬ
ЗАНИМАТЬСЯ
ТЕАТРАЛЬНОЙ
КРИТИКОЙ

1898 г.

Лично у меня есть только одно желание, касающееся театров этой проклятой столицы, а именно — увидеть, как они вместе со всеми актерами будут повергнуты в ослепительно белое пламя ада и будут гореть до тех пор, пока все театральное не окажется расплавленным и останется лишь девственно чистое искусство да небольшая горстка обуглившегося кирпича, то есть то, что было прессой. Я посвятил театрам четыре года жизни, а теперь ухожу на заслуженный покой. Я заблаговременно предупредил «Сатердей ревью», что к концу нынешнего сезона прекращаю писать статьи о театре, а после этого, ей-богу, моя нога никогда больше не ступит на порог неблагодарного театра.

(Брэму СТОУКЕРУ, английскому литератору (1847—1912))

ПО ПОВОДУ ЖЕНИТЬБЫ
НА ШАРЛОТТЕ
ПЕЙН-ТАУНЗЕНД

1898 г.

О РЕШЕНИИ ПЕРЕСТАТЬ
ЗАНИМАТЬСЯ
ТЕАТРАЛЬНОЙ
КРИТИКОЙ

1898 г.

Лично у меня есть только одно желание, касающееся театров этой проклятой столицы, а именно — увидеть, как они вместе со всеми актерами, вместе со всеми критиками будут повергнуты в ослепительно белое пламя ада и будут гореть до тех пор, пока все театральное не окажется расплавленным и останется лишь девственно чистое искусство да небольшая горстка обуглившегося кирпича, то есть то, что было прессой. Я посвятил театрам четыре года жизни, а теперь ухожу на заслуженный покой. Я заблаговременно предупредил «Сатердей ревью», что к концу нынешнего сезона прекращаю писать статьи о театре, а после этого, ей-богу, моя нога никогда больше не ступит на порог неблагодарного театра.

(Брэму СТОУКЕРУ, английскому литератору (1847—1912))

ПО ПОВОДУ ЖЕНИТЬБЫ
НА ШАРЛОТТЕ
ПЕЙН-ТАУНЗЕНД

1898 г.

Я послал в соседний дом за нотариусом, чтобы он узаконил наш брак, но тот ответил, что занимается лишь рожденьями и смертями. Мисс Пейн-Таунсенд тогда нашла местечко на Генриетта-стрит и объяснила там молодому человеку, что хочет сочетаться браком. Юноша сообщил об этой новости по переговорной трубе, по которой обмениваются возгласами радости, и получил распоряжение проводить леди наверх. Наверху она обнаружила человека, впавшего в крайнее возбуждение, когда узнал имена будущих супругов. Он умолял ее не откладывать бракосочетания на пятницу либо прийти до одиннадцати часов, ибо позже его не будет на работе и он потеряет единственную возможность, которая ему представилась в конторе, чтобы обессмертить себя...

Затем мисс Пейн-Таунсенд пришлось вынести еще последнее унижение — покупку обручального кольца. Трудность была в том, что надо было разыскать в Вест-энде ювелира, а она до этого никогда не бывала в ювелирной лавке. Но наконец ей это удалось, и она вернулась с символом рабства. Мы можем теперь отправиться на Генриетта-стрит и завершить дело...

(Грэхэму УОЛЛЕСУ, одному из друзей семьи Шоу)

Yours ever
Bernard Shaw